
**ВНУТРИГОРОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ:
НОВЫЕ И СТАРЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ**

УДК 911.375+316.48

**ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ТОПОНИМОВ
В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ,
ИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ, АКТОРЫ И СМЫСЛЫ**

© 2026 г. К. Э. Аксенов*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле,
Санкт-Петербург, Россия*

**e-mail: axenov@peterlink.ru*

Поступила в редакцию 26.06.2025 г.

После доработки 11.08.2025 г.

Принята к публикации 28.10.2025 г.

В 2020-е годы вновь активизировались процессы десоветизации топонимии в городах России. Они сопровождаются проявлениями общественного активизма и политической конкуренции. На материалах анализа медийного освещения нескольких десятков таких конфликтов последних 5–7 лет в исследовании выявлены пространственные особенности, а также показано существенное изменение мотивации участников по сравнению с прошлыми периодами постсоветской истории. Хотя в мотивации инициаторов смены советских урбонимов идеология все еще оставалась на первом месте, ее значение стало снижаться. Ей стала оказывать существенную конкуренцию историко-культурная мотивация, а также маркетинговые и прочие прагматические факторы. В доводах же противников переименования прагматические мотивы явно оттеснили идеологию на второй план. После 2022 г. как сторонники, так и противники десоветизации стали активно использовать аргументы, связанные с СВО. Традиционный состав акторов топонимических конфликтов стал размываться и усложняться. Выявленные пространственные закономерности описывают зависимость интенсивности конфликтов от факторов: центр–периферийности, пространственной конкурентности, переноса локации, пространственной диверсификации мотивов, локальности символов, мемориальности и функции места. Показано, что именно действие накладывающихся друг на друга перечисленных закономерностей усложняет как структуру мотиваций сторон конфликтов, так и географические различия в их исходах. Последние стали в меньшей степени зависеть от региональных сочетаний идеологических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Этому способствовала возросшая значимость неполитических мотиваций и диверсификация локальных комбинаций описанных пространственных закономерностей.

Ключевые слова: городская топонимия, десоветизация, идентичность, конфликты, пространственные закономерности, геополитика

DOI: 10.7868/S2658697526010104

ВВЕДЕНИЕ

Ни в первые десятилетия постсоциалистической трансформации, ни в последние годы в России не предпринимались практические попытки тотальной топонимической десоветизации или декоммунизации. Они не были нами зафиксированы ни на федеральном уровне, ни в каком-либо отдельном регионе или городе РФ. Это обстоятельство указывает на то, что в российском обществе, в отличие от зарубежных

примеров, ни идеологическое отрицание коммунистической/социалистической идеологии, ни однозначное осуждение общественно-политических практик советского периода не стали доминировать в политической повестке. Вместе с тем продолжающийся не первое десятилетие процесс частичной десоветизации топонимических ландшафтов в российских городах свидетельствует о сохранении и даже воспроизводстве в новых поколениях данной политической повестки. А незатухающая протестная активность

по поводу топонимической десоветизации указывает на сохранение высокой конкурентности и общественной значимости этой повестки.

В научных исследованиях формулировались различные основания для мотиваций переименований в городах РФ и СНГ в период трансформации. Эти основания различаются в зависимости от подходов научной дисциплины, изучающей топонимию: лингвистики (Забелин, 2007; Рублева, 2016), истории (Чайкина, 1982), социологии и социальной психологии (Терентьев, 2015б), политологии (Терентьев, 2015а; Purcell, 2002), культурологии (Беляев, 2018), управленческих дисциплин (Полюшкевич, 2017), географии (Alderman and Inwood, 2013; Marín, 2012; Rose-Redwood et al., 2008, 2010), а также “объектных” дисциплин: регионалистики, страноведения и урбанистики (Аксенов, Яралян, 2012; Тесленок и др., 2017; Туровский, 1995).

В качестве одного из самых распространенных оснований называется потребность в конструировании новой национальной, политической и региональной идентичности (Галактионова, 2016; Полюшкевич, 2017; Титов, 2017). Среди прикладных практик описываются регионализация, деатеизация, деколонизация, формирование новых мест памяти, десекуляризация, “пакетный” урбанизм, “политика покаяния” (Аксенов, 2020; Тхакахов, 2019). Если такое конструирование происходило сверху, т.е. инициировалось и контролировалось властями разного уровня, то его можно рассматривать как процесс “идеологизации” пространства (Аксенов, Яралян, 2012; Туровский, 1995), выделяя среди практик историко-культурный этноцентризм, политизацию, гипертрофированность эпох (тенденциозная недопредставленность одних исторических периодов и перепредставленность других), геополитическую переориентацию (Аксенов, Яралян, 2012). Если же оно происходило с существенным участием общества и экономических субъектов, то могло проходить и вне политических и идеологических целей (Терентьев, 2015а). Тогда авторы упоминают в топонимических практиках также сакральные, этноисторические, этнокультурные геоконцепты (Калуцков, 2020), формирующие процесс противоположной направленности — “деидеологизации” пространства (Аксенов, 2020).

На постсоветском пространстве за пределами России топонимические изменения были связаны с процессами дерусификации, смены геополитической ориентации государств, декоммунизации с различной территориальной приуроченностью, гетерохронностью, разной

степенью агрессивности осуществления этой политики (Аксенов, Яралян, 2012; Тесленок и др., 2017).

Среди всех мотиваций и практик топонимических переименований в постсоветский период в России нас будут интересовать те, которые относятся к процессу десоветизации городской топонимии¹. Под этим термином мы понимаем процесс отказа от единой “матрицы урбонимов”² (Тхакахов, 2019), формировавших общую советскую идентичность, и воспринимаем его как индикатор перехода российского общества от унификации идентичности к ее разнообразию.

Применительно к аналогичным процессам в бывших социалистических странах, как в научном, так и политическом дискурсе, часто применяется термин “декоммунизация”. Мы не отождествляем эти два понятия и процесса. Наши исследования подтверждают выводы Е.А. Терентьева (2015а), который выделяет три типа дискурсов, в рамках которых их участники выстраивают свои модели аргументации переименования советских топонимов в российских городах: политический, историко-культурный и прагматический. В политическом типе дискурса в фокус рассмотрения попадают комморативные составляющие названий и сами названия рассматриваются как инструменты пропаганды. Именно к этому типу относится то, что именуется топонимической “декоммунизацией”. Однако “декоммунизация”, в отличие от отечественной “десоветизации”, практически исключает два других типа дискурса. В историко-культурном дискурсе “десоветизации” названия рассматриваются в качестве объектов культурного наследия, имеющих самостоятельную значимость вне зависимости от значения символов, которые в них вписаны. Прагматический дискурс рассматривает названия в качестве простых лингвистических ярлыков или пространственных ориентиров и из обсуждения исключаются вопросы об их политической и историко-культурной значимости (Терентьев, 2015а). Однако все эти типы дискурсов способны формировать конфликтную повестку и влиять на политические практики и исход переименований советских топонимов.

В предыдущих исследованиях автора было показано, что практики десоветизации городской топонимии в России существенно различались

¹ Процессы “ресоветизации” городских топонимов, которые также имели место [см. например, (Аксенов, 2020)], мы здесь не рассматриваем.

² В литературе для обозначения всех видов внутригородских топонимов используется как термин урбоним, так и урбаноним (Подольская, 1988).

в зависимости от региональных комбинаций политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Полюса географических электоральных расколов, типы электоральных культур [по Р.Ф. Туровскому (2005)] описывали географические различия в процессах десоветизации топонимии. Существенное и разнонаправленное влияние на ход десоветизации оказывали организационные и политические особенности региональных и городских администраций в периоды переименований (Аксенов, 2020). Это исследование, равно как и более раннее (Аксенов, Яралян, 2012), указывает на приоритетность политического дискурса в переименованиях первых двух постсоветских десятилетий.

Применительно к современным конфликтам в отношении десоветизации топонимии в городах РФ настоящее исследование ставит своей целью выяснить, изменились ли пространственные особенности, а также состав акторов и их мотивации по сравнению с прошлыми периодами постсоветской истории.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА

В рассмотрение были взяты не все недавние попытки смены советских урбонимов, а только те, которые в последние 5–7 лет приводили к городским конфликтам (Галустов, 2016; Медведев, 2017, 2019; Тыканова, 2013) и которые получили максимально заметное освещение в СМИ. Городские конфликты мы здесь определяем максимально широко: как столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий индивидов, социальных групп и классов в пространстве города (Дементьева, 2013).

С участием студентов магистерской программы Геоурбанистика СПбГУ и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, Москва, в 2024–2025 гг. на основе публикаций в российских электронных СМИ (блогосфера использовалась только как справочный материал) под руководством автора и по его методике были обнаружены, описаны и проанализированы несколько десятков конфликтов по поводу переименования советских топонимов в российских населенных пунктах в 2018–2025 гг. Для настоящей работы из них были отобраны наиболее резонансные 22 кейса конфликтных переименований советских топонимов в 19 городах, 5 из которых были “пакетными” — когда обсуждалось переименование сразу нескольких городских названий. Методика описания и первичного анализа кейсов была аналогична использованной нами ранее применительно к конфликтам по поводу городских памятников и монументов. Она состояла из пяти частей: 1) общего описания

конфликта; 2) фиксации мотивации, цели и достигнутого результата для каждого из его акторов; 3) сбора характерных цитат этих акторов, подтверждающих зафиксированные мотивации; 4) периодизации хода конфликта и описания действий всех акторов на каждой его стадии; 5) общих выводов об особенностях конфликта и его значимости для развития города³.

Для оценки потенциальной значимости каждого рассмотренного кейса для остальной страны в настоящей работе рассмотрен еще один показатель — количество урбонимов, аналогичных оспариваемым названиям, имеющих в других городах РФ⁴. Для этого в сервисе Яндекс.Карты были подсчитаны такие же советские номинации и дополнительно — количество регионов РФ, в которых они встречаются.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В табл. 1 кратко суммированы основные характеристики рассмотренных конфликтов, в табл. 2 приведены пары топонимов в случаях планов крупного “пакетного” переименования. В тех случаях, когда в ходе “пакетного” рассмотрения часть урбонимов переименовывалась, а часть — нет, эти части рассматривались как отдельные кейсы.

Таким образом, победа позиции “за” была зафиксирована в 9 случаях, “против” — в 12 (при этом в двух городах часть предложенных названий была переименована, а часть нет), решение пока не было принято — в 1 случае. Даже эта простая статистика подтверждает, что топонимическая десоветизация остается весьма конфликтогенной темой в российской городской политике, в которой ни одна из конфликтующих позиций не имеет подавляющего преимущества.

Что же можно заключить о *сдвигах в мотивации* конфликтующих сторон? Очевидно, что идеологическое противостояние диверсифицировалось. Современная форма продолжения конфликта столетней давности “красных и белых” в политическом поле наиболее контрастно и открыто проявляется в противостоянии коммунистических и ветеранских организаций и партий, с одной стороны, и национал-патриотических, православных и монархических организаций (таких как Двуглавый Орел, Царьград) — с другой. Наиболее часто звучащие мотивации со стороны первых — недопущение принижения значимости советской эпохи для развития страны. Со стороны их противников — недопустимость героизации лидеров и самой советской эпохи на фоне деструктивных сторон

³ Более подробно описание методике см. (Аксенов, 2024).

⁴ В границах 2018 г.

Таблица 1. Основные характеристики рассмотренных конфликтов по поводу переименования советских топонимов в российских городах в 2018–2025 гг.

Кейс	“За”		“Против”		На какой топоним/символ менять	Число номинаций как в кейсе (регионов) в РФ ¹
	Мотив	Кто	Мотив	Кто		
Пермь Сквер Розалии Землячки* 2022–2023	Десов., связь с красным терро-ром, Лок.	Власти, часть жителей	Быт., Дубл., Сов. насл.	Часть жителей, КПРФ	Советского конструктора Калачникова*	20 (11)
Санкт-Петербург ул. Книпович* 2021	Десов., привлечение внимания к восстановлению местного храма	Власти, РПЦ	Сов. насл.	РКРП, про-советски настроенные активисты	Смоляная**, название (присвоено и не историческим частям улицы)	2 (2)
Киров “Пакет” из 7 улиц; в том числе Володарского, Урицкого, Розы Люксембург, Дерендяева*, Карла Маркса 2024–2025	Десов.	Городские исполнительные власти	Сов. насл., Геопол., Соц. напр.	КПРФ, Г. Зюганов	Никитская**, Успенская**, Морозовская**, Всесвятская**, Владимирская**	Десятки (>10)
Киров “Пакет” из 7 улиц; в том числе Ма-клина, МОПРа 2024–2025	Десов.	Городские исполнительные власти	То же, плюс Неодн.	Депутаты городской думы	Острожная**, Бутырская**	2 (2), 4 (4)
Екатеринбург ул. Володарского 2017–наст. вр.	Десов., Десек.	Власти, активисты	Сов. насл., Соц. напр., Быт.	КПРФ, часть населения	Богоявленская**	Десятки (десятки)
Владикавказ ул. Ленина 2022	ВС РФ ² , Этн., Лок.	Северо-Осетинская региональная культурно-патриотическая общественная организация “Ныфс”, “Матери Беслана”	Сов. насл. Фин., Быт., Принцип	КПРФ, ветеранские организации, общественность, топонимическая комиссия	Героя Советского Союза Каурбека Тогузова (Догузова)*	Более 2.5 тыс. ³ (повсеместно)
Петрозаводск ул. Фридриха Энгельса 2018–2019	Десов.	Власти, общественные организации, часть жителей	Фин., Быт., Тур. –	Местные жители	Петербургская**	
Саратов пр. Кирова 2022	Десов., Лок.	Федеральные, региональные и местные власти, часть жителей	Быт., Дубл., Сов. насл.	Городской депутат от КПРФ, часть жителей	Столыпина*	Сотни (67)
Саратов ул. Сакко и Ванцетти 2022–2023	Десов., Лок.	Федеральные, региональные и местные власти	Быт.	Местные жители	Дмитриевская*,**	Десятки (23)

Таблица 1. Продолжение

Кейс	“За”		“Против”		На какой топоним/символ менять	Число номинаций как в кейсе (регионов) в РФ ¹
	Мотив	Кто	Мотив	Кто		
Таруса Калужская обл. Пакет, см. табл. 2 2020–2022	Десов., Тур.+	Местные власти, местные общественные и федеральные русские патриотические организации, часть жителей	Сов. насл., Геопол., Соц. напр., Быт.	Федеральные лидеры КПРФ, коммунистические организации, часть жителей	Пакет, см. табл. 2	Тысячи (повсеместно)
Иркутск ул. Урицкого 2016–2023	Десов.	Местные власти, краеведы	Быт.	Местные жители	Пестеревская*, **	78 (45)
Владимир ул. Парижской Коммуны 2022	Десов., Лок., СВО	Ветеранские и патриотические молодежные организации, местные власти	Сов. насл., Геопол., Быт., Фин., Неудач.	КПРФ, АНО “Наследие”, местные жители	Героя России Романа Кутузова*	43 (36)
Белгород ул. 50-летия Белгородской области ⁴ 2019–наст. вр.	Десов., Лок.	Местные власти	Неудач., рассмотреть Георгиевскую** или вернуть Чернышевского, Быт.	Жители, краеведы и общественные активисты	Чернышевского	Десятки (32)
Тамбов ул. Степана Разина 2012–2025	Десов., Лок., Десек.	Местные власти, РПЦ, активисты	Быт., Дубл.	Жители, краеведы, предприниматели	святого Птитирима**	33 (27)
Ярославль ул. Нахимсона* 2024–наст. вр.	Десов., Неодн., Истлок.	Краеведы-активисты	Соц. напр., Фин., Быт.	Местные власти	Рождественская**	7 (7)
Казань ул. Баумана** 2005–2023	Десов., Этн.	Татарские организации	Неудач.	Эксперты, часть жителей, власти	Сююмбике ⁵ , Шаймиева ⁶	
Ульяновск пл. Ленина ^{*7} 2017–2018	Десов., Дубл., Истлок.	Местные отделения партий Справедливая Россия, Единая Россия, местные исп. власти	Мемориальность фигуры Ленина для города, нелогичность нового названия ⁸ , Быт.	Общественная палата области, КПРФ, депутаты Госдумы, часть жителей	Соборная**	Более 2.5 тыс. (повсеместно)
Новосибирск пл. Свердлова 2014–2020	Десов., Лок.	Православные активисты	Принцип	Жители на голосовании, местные власти	архитектора Крячкова ^{*9} ,	86 (40)
Новосибирск пл. и остановка Свердлова 2020–наст. вр.	Десов., связь с соседним собором	Областное Заксобрание, РВИО, РПЦ, “Царьград”	Соц. напр.	Мэр города, жители на голосовании, местные власти, КПРФ	Александра Невского	

Таблица 1. Окончание

Кейс	“За”		“Против”		На какой топо- ним/символ менять	Число но- минаций как в кейсе (регионов) в РФ ¹
	Мотив	Кто	Мотив	Кто		
Ржев Тверская обл. Пакет, см. табл. 2 2023	Десов.	Местные вла- сти, общест- венный совет по туризму	Нелегит.	КПРФ, мест- ные жители	Пакет, см. табл. 2	Десятки (десятки)
Короча Белгородская обл. Пакет, см. табл. 2 2020–2021	Десов., Лок.	Местная ис- полнительная власть	Быт., Соц. напр.	Совет депута- тов, часть жи- телей, КПРФ	Пакет, см. табл. 2	
Слободской Кировская обл. Пакет ¹⁰ : ул. Лени- на, Володарского, Свердлова 2019–2020	Десов., Лок.	Городская дума, РПЦ	Нелегит., Быт., Фин.	Прокуратура ¹¹ , КПРФ, часть местных жи- телей	Рождествен- ская**, Екате- рининская**, Пушкина ¹²	Более 2.5 тыс. (повсе- местно)

Примечания:

¹ Включая рассматриваемый кейс.

² Старый урбоним символизирует дискредитацию миссии вооруженных сил на Украине ввиду негативной роли В.И. Ленина в связи с отчуждением части территории России [Топонимические решения // Общественная палата РСО-Алания. <https://opalania.ru/2022/05/19/> (дата обращения 13.03.2025)].

³ По некоторым данным, в 2011 г. в России насчитывалось 8637 урбонимов в честь В.И. Ленина (Ленин остается самым известным деятелем по числу улиц, названных в его честь. 11.11.2011. <https://rg.ru/2011/11/11/ulicy-site.html> (дата обращения 16.03.2025)). Сервис “Яндекс.Карты” фиксирует гораздо меньшее количество.

⁴ Несмотря на то, что данное название было присвоено в 2004 г., мы включили этот кейс в таблицу как сохраняющий традицию советской матрицы урбонимов. В мотивации сторонников переименования это указывалось.

⁵ Не сочетается с торговой функцией улицы, номинация зарезервирована для другой локации.

⁶ Номинация именем ныне живущего политика неприемлема.

⁷ После переименования пл. Ленина в Соборную местные власти переименовали площадь 100-летия со дня рождения Ленина в площадь Ленина.

⁸ На площади нет собора, но есть памятник Ленину.

⁹ Безымянный сквер, находящийся рядом с площадью Свердлова, стал называться “Сквер им. Крячкова”, тогда как название самой площади не изменилось.

¹⁰ В пакете обсуждалось и предложение о переименовании улицы имени местного революционера Корто в улицу Николая Квакина — почетного гражданина и бывшего директора одного из градообразующих советских предприятий. Оно не было принято.

¹¹ По решению Городской Думы улицы были переименованы в 2019 г., но в 2020 г. суд отменил решение, так как переименование в полномочиях Администрации. Администрация заявила, что возвращение к старым наименованиям улиц не будет.

¹² Ул. Пушкина — не историческое название, но связанное с одноименным местным парком и памятником.

Используемые сокращения мотива “за”: Десов. — десоветизация, Лок. — замена локальным символом, Неодн. — неоднозначность локальных коннотаций, Ист-лок. — замена историческим локальным символом, Десек. — десекуляризация, ВС РФ — недопустимость дискредитации миссии Вооруженных сил РФ на Украине, Этн. — этноцентризм, Тур.+ — повышение туристической привлекательности, СВО — необходимость героизации участников СВО, Дубл. — дублирование этой номинации. Используемые сокращения мотива “против”: Быт. — бытовые неудобства, Дубл. — дублирование этой номинации, Сов. насл. — сохранение советского наследия, Геопол. — сложная геополитическая обстановка, Соц. напр. — потенциальные социальные напряжения, Неодн. — неоднозначность коннотаций предлагаемых исторических названий, Фин. — финансовые расходы, Принцип — неприемлемый принцип переименования / лучше использовать безымянные объекты для номинации, Тур. — опасения за смену функции на туристическую, Неудач. — неудачный выбор улицы для нового урбонима / неудачное сочетание локации и предлагаемой номинации, Нелегит. — Решение нелегитимно / мнение жителей не учтено / нарушение процедуры переименования.

* — номинация мемориальная (связана с данным местом или городом); ** — историческое название (включая производные, например, Питиримовская — святителя Питирима).

Покрашены ячейки “победившей” точки зрения; если ячейки по строке не покрашены, то решения нет. Курсивом выделены названия центральных (значимых) улиц.

Составлено автором с участием студентов магистерской программы Геоурбанистика СПбГУ и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ на основе публикаций в российских электронных СМИ.

Таблица 2. Перечень пар топонимов (если иного не обозначено, то улиц), предлагавшихся к переименованию в соответствующих городах

Таруса	Короча	Ржев
<i>Розы Люксембург</i> — Посадская	<i>К. Маркса</i> — Покровская	<i>Октябрьская</i> — Никольская**
<i>Пионерская</i> — Огородная**	<i>Интернациональная</i> — Рождественская	<i>Жан-Поль Марата</i> — Предтеченская**
<i>Урицкого</i> — Лесопильная**	<i>Урицкого</i> — Зеленая	Жана Жореса — героя СВО Артура Тулякова*
<i>Луначарского</i> — Кирпичная**	<i>К. Либкнехта</i> — Никольская	<i>пл. Коммуны</i> — Спасская**
<i>Карла Либкнехта</i> — Тарусская**	<i>Пролетарская</i> — Кромского* ¹	
<i>Энгельса</i> — Ивановская**	<i>пер. К. Либкнехта</i> — Никольский	
Свердлова — Овражная**	<i>Дзержинского</i> — Коваленко*	
Карла Маркса — Полевая**	<i>Володарского</i> — Величко*	
<i>Декабристов</i> — Городская набережная**	<i>Октябрьская</i> — пер. Покровский	
Каляева — Боголюбская**	<i>пер. Кромского*</i> — пер. Рождественский	
Нерезова* — Широкая**		
<i>Площадь Ленина</i> — Соборная**		
<i>Октябрьская</i> — Воскресенская**		
<i>Ленина</i> — Калужская**		
<i>Володарского</i> — Прончищева*		
<i>Комсомольская</i> — Серпуховская**		

Примечания: * номинация мемориальная (связана с данным местом или городом); ** историческое название. Курсивом выделены названия центральных (значимых) улиц.

¹ Предлагалось переименовать ул. Пролетарскую — в Кромского, а пер. Кромского — в переулок Рождественский. Составлено автором по: Решение Городской Думы городского поселения “Город Таруса” четвертого созыва № 12 от 20 октября 2020 года “Об утверждении перечня улиц города Тарусы, подлежащих переименованию”, цит. по <https://october-tarusa.ru/article/2420> (дата обращения 11.05.2025); Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального района “Корочанский район” Белгородской области <https://web.archive.org/web/20201218083008/> <https://www.korocha.ru/press-centr/o-pereimenovanii-ul12345-g-korocha/> (дата обращения 11.05.2025); Решение Думы Ржевского муниципального округа № 144 от 27.07.2023 “О переименовании объектов улично-дорожной сети города Ржева Тверской области” <https://xn--b1abdee0capc.xn--p1ai/documents/2484.html> (дата обращения 11.05.2025).

ее истории. Важным мотивом для последних представляется также десекуляризация — явное или подспудное насыщение городского пространства символами православия, поскольку большинство возвращаемых названий связано с утраченными или существующими религиозными объектами. Иногда переименование даже в открытую обозначалось как инструмент влияния на процесс восстановления утраченного храма (случай Санкт-Петербурга).

Чаще всего в данном противостоянии использовался “исторический” ресурс идеологизации политического ландшафта, который транслирует прошлые идеологизированные версии истории и общественных ценностей с целью

влияния на массовое сознание (Аксенов, Ярляян, 2012; Туровский, 1995). Именно поэтому мы трактуем сам процесс топонимической десоветизации как двуединый: прямая идеологическая декоммунизация, в явном виде указывающая на отрицательную оценку политической практики советского периода и коррективы в политике репрезентации эпох, делающие то же самое непрямыми способами. Последний мотив при этом часто преподносится и трактуется как историко-культурный: “Долгие годы тарусяне обсуждали необходимость вернуть городу дореволюционную самобытность. <...> Вступление в силу данного решения не означает десоветизации, отмены завоеваний советского периода

истории Тарусы. Этим решением мы лишь возвращаем историческому центру Тарусы наименования улиц, данные еще нашими предками, проявляя глубочайшее уважение к истории малой родины” — врио главы администрации Тарусского района Руслан Смоленский⁵.

Упомянутое идеологическое противостояние в современном процессе десоветизации урбонимов — не единственное. В республиках отмечается и мотив этноцентризма — стремление замены советских урбонимов этническими символами. Как уже описывалось ранее, данный мотив может быть связан не только со стремлением к усилению представленности каких-то определенных эпох, важных для этнонациональной истории (как например, период правления Сююмбике в Казани), но даже к замене стандартных советских символов на советские же, но этнические — национальных выдающихся персон советского периода (Аксенов, 2020). К десоветизации последний процесс можно отнести весьма условно — только в части разрушения навязанной центральной советской властью стандартной матрицы урбонимов. Некоторые исследователи интерпретируют мотивацию подобных переименований в республиках как “деколониализацию” (Тхакахов, 2019), другие — как этнокультурную парадигму (Калуцков, 2020).

Новый идеологический мотив добавился в связи с событиями на Украине. Активизации процесса номинации городских знаков символами СВО способствовали, помимо самих текущих геополитических событий, новации федерального законодательства в части увековечения памяти погибших при выполнении боевых и служебных обязанностей при защите Отечества, погибших при выполнении воинского долга на территории других государств⁶. Однако данное геополитическое измерение используется в топонимических конфликтах как сторонниками, так и противниками переименований советских урбонимов. Показателен случай Владимира, когда сторонники переименования ул. Парижской Коммуны в честь местного жителя Героя России Романа Кутузова, погибшего на СВО, подчеркивали мотив необходимости героизации участников СВО, а противники призывали воздерживаться от практики идеологически мотивированной десоветизации городских символов, которую активно используют как символ противостояния с Россией на Украине. Так, подчеркивая, что

пропаганда такого противостояния на Украине началась как раз со сноса советских памятников и переименования советских улиц, противники указывали: “переименование улицы с почти столетней историей будет порочить подвиг Романа Кутузова перед Отечеством; <...> Мы уверены, что увековечивать память героев, погибших при защите жителей Донецкой и Луганской народных республик, необходимо, однако это стоит делать разумно, не посягая на историческую память, не внося раскол в общество и не дискредитируя саму идею”⁷. Данный мотив был озвучен и лидером КПРФ Г. Зюгановым в письме Главе г. Кирова⁸ в связи с описанным в табл. 1 кейсом. В ряде прочих описанных случаев он также используется представителями КПРФ (в табл. 1 данный мотив обозначен как “сложная геополитическая обстановка (Геопол.)”).

Важно, что описанный мотив направлен не на отрицание практики номинации городских знаков символами СВО, а на обозначение неприемлемости замены советских или прочих исторических символов новыми. В качестве принципа таких номинаций в ряде случаев предлагается либо перенос номинации на иной объект (школа, учреждение, остановка, безымянные элементы территории и т.п.), либо резервирование ее для новых объектов.

Иной тип мотивации с использованием аргументов, связанных с СВО, представляет случай конфликта по поводу предложения о переименовании центральной ул. Ленина в ул. К. Догузова во Владикавказе. На заседании региональной топонимической комиссии рассматривалось письмо председателя Северо-Осетинской региональной культурно-патриотической общественной организации “Ныфс”, в котором говорится: “21 февраля 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в обращении к гражданам отметил большую негативную роль Владимира Ленина в создании современного кризиса на Украине. По словам главы государства, Ленин и его соратники делали это весьма грубым по отношению к самой России способом — за счет отделения и отторжения от нее части ее собственных исторических территорий. В связи с высказыванием Верховного главнокомандующего мы считаем, что дальнейшее наименование одной из главных улиц республики имени Ленина дискредитирует миссию вооруженных сил на Украине, и просим сделать подарок всему народу и переименовать

⁵ <https://october-tarusa.ru/article/2420> (дата обращения 07.05.2025).

⁶ Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 09.11.2024) “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества” <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-14011993-n-4292-1-ob/> (дата обращения 11.05.2025).

⁷ <https://chesnok.media/2022/07/18/obshhestvenniki-predlozhili-novye-mesta-dlja-ulicy-romana-kutuzova/> (дата обращения 07.05.2025).

⁸ <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/230861.html> (дата обращения 08.05.2025).

улицу Ленина в честь проживавшего на ней Героя Советского Союза, участника Сталинградской битвы Каурбека Темболатовича Догузова”⁹. Вопрос был вынесен на референдум, решение о переименовании не было принято. В приведенной цитате, как и в дальнейшем общественном обсуждении, содержались аргументации и за, и против, связанные не только с СВО, однако центральная дискуссия развернулась по поводу данного тезиса.

Прагматические мотивы включают в себя бытовые неудобства — от потенциальной замены документов до путаницы в ориентации. Интересно, что прагматические ожидания возрастания туристической привлекательности в связи с возвращением исторических названий в одних случаях использовались сторонниками (Таруса), в других — противниками (Петрозаводск) десоветизации. Последние выражали опасения за неудобства, которые может вызвать ожидаемое в связи с переименованием возрастание туристической привлекательности доселе спокойного района. Мотив, обозначенный как “финансовые затраты”, подразумевает не только неприемлемость прямых затрат на замену названий, но, чаще, неэффективность таких затрат — повсеместно критиками переименований отмечается их неприоритетность по сравнению с хозяйственными проблемами городов. Это в целом свидетельствует о снижении значимости некогда важного идеологического противостояния по сравнению с прагматическими мотивами.

Можно заключить, что по сравнению с прошлыми десятилетиями изменилась приоритетность традиционных оснований для проявления конфликтных позиций по данной проблематике, а также появился ряд новых оснований. Они распределены в табл. 3 по частоте встречаемости на основании материалов табл. 1 и упомянутой типологии дискурсов (Герентьев, 2015а): политический, историко-культурный и прагматический.

Очевидно, что основные мотивации позиции “за” переименование советских урбонимов в последние годы по-прежнему проистекали из политического типа дискурса: историко-культурный использовался в 1.5 раза реже, а прагматический — на порядок реже. Тогда как в позиции “против” стали лидировать основания из прагматического типа дискурсов, политический отставал по частоте использования в 1.8 раза, а историко-культурный — почти в 6 раз.

Размываться стал и *состав акторов*, традиционного представлявших противостоящие стороны конфликтов по вопросам топонимической десоветизации. Так, если ранее ветеранские организации практически безальтернативно выступали сторонниками сохранения советских топонимов, то после начала СВО стали фиксироваться случаи не просто поддержки, но и инициации ими таких переименований. Упомянутый случай Владимира тому подтверждение.

Попробуем определить, *чем объяснялись различия в результатах топонимических конфликтов между городами*.

Поскольку КПРФ и другие коммунистические организации традиционно входили в состав тех, кто выступал против десоветизации почти во всех рассмотренных случаях, логично было бы предположить, что в городах с повышенной поддержкой коммунистов процесс десоветизации наиболее затруднен. В пользу подобного предположения говорят и материалы исследований предыдущих периодов (Аксенов, 2020). Для проверки этой гипотезы мы сравнили географию исходов конфликтов с уровнем поддержки КПРФ на последних выборах в Государственную Думу РФ 2021 г. по партийным спискам. Из 18 центров субъектов Федерации, попавших в нашу выборку, в 5 городах, где решение в ходе конфликта было принято в пользу десоветизации, поддержка КПРФ колебалась от 18% в Санкт-Петербурге до 37% в Ульяновске¹⁰. В 7 городах, где в результате обсуждений десоветизация не состоялась, она составляла от 10% во Владикавказе до 29% в Иркутске. В трех случаях, где решение либо не было принято, либо побеждали обе точки зрения одновременно, поддержка КПРФ составляла от 17% в Кирове до 25% в Саратове. Такой размах вариаций вряд ли позволяет говорить о наличии однонаправленного “управляющего” воздействия данного фактора на исход конфликтов по топонимической десоветизации. Достаточно привести случай Ульяновска, родины В.И. Ульянова (Ленина), где в 2018 г. произошло переименование главной административной пл. Ленина в Соборную, а сам топоним перенесли и “меморизировали”: в пл. Ленина была переименована площадь рядом с мемориалом в месте, где жила семья Ульяновых. Ранее она именовалась пл. 100-летия со дня рождения Ленина. Главный городской топоним переместился от центра власти в мемориальную локацию, до этого бывшую по отношению к данному топонимическому символу вторичной. Это значит, что в городе

⁹ <https://opalania.ru/2022/05/19/%d1%82%d0%be%d0%bf%d0%be%d0%bd%d0%b8%d0%bc%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b5-%d1%80%d0%b5%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d1%8f/> (дата обращения 11.05.2025).

¹⁰ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_\(2021\):_результаты_по_партийным_спискам#Результаты_по_крупным_городам](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_(2021):_результаты_по_партийным_спискам#Результаты_по_крупным_городам) (дата обращения 30.04.2025).

Таблица 3. Частота встречаемости мотиваций конфликтных позиций по проблеме переименований советских урбонимов, по типам дискурсов

Позиция “за”			Позиция “против”		
мотивация	число	тип дискурса	мотивация	число	тип дискурса
Десоветизация	21	ПО	Бытовые неудобства	15	ПР
Желание замены универсального на локальный символ	13	ИК	Сохранение советского наследия	9	ПО
Десекуляризация*	4	ПО, ИК	Потенциальные социальные напряжения	7	ПО, ПР
Этноцентризм	2	ПО, ИК	Неудачный выбор предлагаемого названия	6	ИК
Необходимость героизации (недопустимость дискредитации) СВО	2	ПО	Неэффективные финансовые затраты	5	ПР
Устранение дублирования существующей номинации	1	ПР	Избежание дублирования предлагаемой номинации	3	ПР
Неоднозначность локальных коннотаций	1	ПО, ИК	Сложная геополитическая обстановка (СВО)	3	ПО
Стремление к повышению туристической привлекательности	1	ПР	Неправильная процедура выбора названия	3	ПР
			Опасения повышения туристической привлекательности места	1	ПР
Итого по типам дискурса**: ПО 30, ИК 20, ПР 2			Итого по типам дискурса**: ПР 34, ПО 19, ИК 6		

Примечания: * предпочтительность связи номинации урбонимов с религиозными символами; ** суммарная частота встречаемости может превышать число кейсов, так как в каждом кейсе стороны могли иметь более одной мотивации. ПО — политический тип, ИК — историко-культурный, ПР — прагматический.

Составлено автором по материалам табл. 1.

с повышенной поддержкой КПРФ мемориальность советского символа перевесила его общеполитическую значимость.

Вторым фактором, описанным ранее и влияющим на различия в подходе к топонимической десоветизации в городах в предыдущие периоды, была текущая идеологическая позиция властей (Аксенов, 2020). Даже из материалов, представленных в табл. 1, очевидно, что позиция в отношении десоветизации варьировала не только между городами, но и между разными ветвями, уровнями и подразделениями власти в одном и том же городе. Поскольку расстановку сил внутри администраций каждого города в рамках данного исследования установить не представляется возможным, то можно попробовать сопоставить исходы конфликтов (закрепленные решением местных властей) с местной электоральной поддержкой правящей на федеральном уровне партии. В городах, где советские топонимы после конфликта были переименованы,

поддержка Единой России варьировала между 30 и 39%; где не переименованы — между 26 и 35% (без учета этно-специфических экстремумов Владикавказа в 71% и Казани в 73%); в колеблющихся — от 25 до 52%.

Такое отсутствие явных различий в электоральной типологии городов, в которых побеждали противоположные стороны топонимических конфликтов, можно интерпретировать как еще одно свидетельство размывания некогда господствовавшей идеологической мотивации сторон таких конфликтов.

Исследованные случаи, тем не менее, позволяют выделить ряд *внутригородских пространственных закономерностей развития топонимических конфликтов*, среди них:

— *центр–периферийность*: чем центральнее и/или значимее для города локация, тем амплитуда конфликта выше. Как минимум в 15 случаях из 22 конфликты происходили в центральных и значимых локациях. Макси-

мальную остроту по формам выражения и по вовлеченности сторон приобретали именно такие конфликты. Это обусловлено как имиджевой значимостью таких локаций, так и присутствием в них максимального разнообразия возможных мотиваций сторон;

— *пространственная конкурентность*: если есть такие же названия в других местах города, накал конфликта ниже. Конфликты во Владикавказе и Новосибирске имели фактор снижения напряженности в связи с тем, что прочие объекты города (школы, скверы) имели ту же номинацию, что и предлагаемая новая. Упомянутый случай Ульяновска демонстрирует невысокий накал конфликта в связи с наличием дублирующихся номинаций центральных локаций именем Ленина;

— если *номинация переносится* в другую локацию, накал конфликта становится ниже, снижаясь вплоть до нуля. Во многих случаях стороны предлагали перенос номинации как способ разрешения конфликта. В перечисленных в предыдущем абзаце примерах этот прием был эффективно использован, напряженность конфликта была снижена или он был полностью разрешен. Даже неосуществленный перенос номинации (обещание властей резервирования ее для будущих новых номинаций) разрешало конфликт (случай Баумана—Сююмбике в Казани);

— *локализация символов* в противовес универсальности как трендовый мотив (плюс к идеологии). Как указывалось выше, желание замены универсального на локальный символ было вторым после идеологии по частоте встречаемости мотивов десоветизации, он встречался в 13 случаях;

— *пространственная диверсификация мотивов*. Как было показано, требования замены одного и того же советского топонима в разных местах объясняется различными мотивами. Так, в каждом из упомянутых в табл. 1 топонимических конфликтов с участием имени Ленина мотивации сторонников переименования различались;

— *мемориальность*¹¹ нового названия не всегда перевешивает для жителей бытовые неудобства. Казалось бы, столь сильное стремление к формированию локальной идентичности через топонимический передел должно максимально использовать фактор мемориальности — мест, непосредственно связанных с символом. Однако в некоторых случаях значимость фактора бытовых неудобств перевешивала упомянутое стремление (Ярославль);

— *функция места*: сопоставление функции места с топонимическим вариантом имеет важ-

ное значение для исхода конфликта. Ожидание возрастания туристической привлекательности места в связи с возвращением исторических названий выступало мотивом как в пользу, так и против переименования (Таруса и Петрозаводск). Несовместимость значимости предлагаемого нового символа с “недостойной” его торговой функцией стало главным аргументом в Казани (Баумана—Сююмбике).

Действие перечисленных закономерностей формирует локальные сочетания: когда присутствуют сразу несколько из них, их действие накладывается друг на друга. Тогда можно наблюдать их борьбу и оценивать их сравнительную силу. Так, в Саратове при переименовании ул. Кирова в Столыпина (локальный символ) боролись сразу все из перечисленных закономерностей и типов мотиваций. В данном случае их сочетание формально привело к выбору в пользу десоветизации, однако мотивация выбора была отнюдь не только идеологической, но гораздо более сложной. Интересный случай зафиксирован в Слободском: в составе пакета обсуждалось предложение о переименовании улицы имени местного революционера Корто в улицу Николая Квакина — почетного гражданина города и бывшего директора одного из советских градообразующих предприятий. Оно не было принято. Поскольку оба спорных символа были советскими и мемориальными, то на первый план выступил не идеологический, а именно бытовой мотив — неудобство при переименовании. Прямо противоположный случай зафиксирован в Перми: бытовые неудобства также были главным мотивом протестовавших против переименования одного советского мемориального топонима в другой (Розалии Землячки — советского конструктора Калачникова). Тем не менее, в данном кейсе перевесили именно идеологические соображения и переименование состоялось. Очевидно, что локальные сочетания одних и тех же закономерностей привели к различным результатам.

Именно в связи с диверсификацией мотиваций и усложнением их комбинаций стала менее однозначной связь географии переименований советских урбонимов с электоральными пространственными распределениями и политическими ориентациями городских элит.

В целом, можно заключить, что описанные пространственные закономерности во многом совпадают с выделенными ранее автором для конфликтов с использованием монументов (Аксенов, 2024), что свидетельствует об их универсальной значимости для городской символической политики.

¹¹ Пространственная приуроченность символа.

ВЫВОДЫ

Мы зафиксировали ряд особенностей и сдвигов в составе акторов, их мотивации и пространственных особенностях конфликтов по поводу переименований советских урбонимов, имевших место в российских городах в последние 5–7 лет. Традиционный состав акторов таких конфликтов (коммунистические и ветеранские организации — за сохранение, а национал-патриотические, православные и монархические — за переименование) стал размываться. Так, ветеранские организации, практически безальтернативно выступавшие ранее сторонниками сохранения советских топонимов, после начала СВО стали в ряде случаев не просто поддерживать, но и инициировать такие переименования. После 2022 г. тематика СВО стала размывать традиционное идеологическое противостояние наследников “красной” и “белой” идеологий. Было показано, что связанная с СВО аргументация активно использовалась обеими сторонами противостояния в топонимических конфликтах.

В целом же в мотивации инициаторов смены советских урбонимов значение идеологии стало снижаться. Ей стала оказывать существенную конкуренцию историко-культурная мотивация (стремление к локализации городских символов, уникализации городской идентичности в противовес универсализации), а также маркетинговые и пр. прагматические факторы. В гораздо большей степени прагматические мотивы стали проявляться в доводах противников переименования, где они оттеснили на второй план идеологию.

Выявленные пространственные закономерности описывают зависимость интенсивности конфликтов с факторами: центр-периферийности, пространственной конкурентности, переноса локации, пространственной диверсификации мотивов, локальности символов, мемориальности и функции места. Показано, что именно действие накладывающихся друг на друга перечисленных закономерностей усложняет как структуру мотиваций сторон конфликтов десоветизации городской топонимии в России, так и географические различия в их исходах. Последние стали в меньшей степени зависеть от региональных сочетаний идеологических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Этому способствовала возросшая значимость неполитических мотиваций и диверсификация локальных комбинаций описанных пространственных закономерностей.

В самом начале мы определили топонимическую десоветизацию как один из процессов, разрушающих общую советскую идентичность

в пользу перехода российского общества от унификации идентичности к ее разнообразию. Исследование показывает, что диверсификация идентичности с помощью топонимической десоветизации шла как минимум по трем направлениям и делилась на этапы. На первом этапе, длившемся, как минимум, полтора десятилетия, российское общество разделилось по идеологическому принципу — по степени одобрения советского исторического опыта. В последующем к идеологической мотивации процессов десоветизации добавились прочие основания (историко-культурные, включая этно-религиозные, и прагматические), которые в последние годы стали играть все более существенную роль в формировании конкурирующих идентичностей. Ну и наконец, на обоих этапах географические особенности воздействия описанных процессов стали формировать не вертикальные, а горизонтальные сочетания и различия, способствуя образованию специфических локальных идентичностей.

Представляется, что в связи с таким усложнением исследователям пространственных особенностей процессов десоветизации стоит переходить от изучения географии идеологий к географии локальных сочетаний мотиваций и пространственных закономерностей топонимических трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов К.Э.* Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Изв. РГО. 2020. Т. 152. № 3. С. 1–16.
- Аксенов К.Э.* Пространственные факторы конфликтности в использовании городского символического геополитического капитала в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2024. Т. 88. № 5. С. 804–819.
- Аксенов К.Э., Яралян С.А.* Идеологизация пространства с использованием городской топонимии в странах СНГ // Региональные исслед. 2012. № 1. С. 3–12.
- Беляев А.Н.* Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации. М., Берлин: Директ-Медиа, 2018. 395 с.
- Галактионова Н.А.* Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1 (94). С. 152–163.
- Галустов К.А.* Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда–Санкт-Петербурга // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163–176.
- Дементьева И.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста

- в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 3–12.
- Забелин Н.Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Калуцков В.Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
- Медведев И.Р.* Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
- Медведев И.Р.* Споры о названиях городских объектов в контексте “права на город” // Закон. 2019. № 4. С. 144–156.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 189 с.
- Полюшкевич О.А.* Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 80–94.
- Рублева О.Л.* Топонимическая система Приморья: аспекты и перспективы исследования // Изв. Восточного ин-та. 2016. Т. 4 (32). С. 35–44.
- Терентьев Е.А.* Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // ЖССА. 2015а. № 2. С. 72–86.
- Терентьев Е.А.* Топонимический активизм и “право на город”: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015б. № 1. С. 194–202.
- Тесленок С.А., Ивлиева Н.Г., Учеваткина Н.В., Тесленок К.С.* Создание специализированной топонимической ГИС для районов дерусификации, десоветизации и декоммунизации / Матер. Междунар. конф. “ИнтерКарто. ИнтерГИС”, 2017. Т. 23 (2). С. 13–26.
- Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
- Туровский Р.Ф.* Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
- Туровский Р.Ф.* Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. 2005. № 4. С. 161–202.
- Тхакахов В.Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 40–49.
- Тыканова Е.В.* Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа) // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 112–123.
- Чайкина Ю.И.* Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII–XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Вып. 15 / отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 48–56.
- Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Soc. Cult. Geogr. 2013. Vol. 14. № 2. P. 211–233.
- Marín A.* Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg // Geopolitics. 2012. Vol. 17. № 1. P. 192–216.
- Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // GeoJ. 2002. Vol. 58. № 2–3. P. 102–103.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Collective memory and the politics of urban space: an introduction // GeoJ. 2008. Vol. 73. № 3. P. 161–164.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Prog. Hum. Geogr. 2010. Vol. 34. № 4. P. 453–470.

Modern Conflicts Regarding the Renaming of Soviet Toponyms in Russian Cities: Spatial Features, Actors, and Meanings

K. E. Aksenov*

St. Petersburg State University, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg, Russia

*e-mail: axenov@peterlink.ru

The processes of desovietization of toponymy in Russian cities intensified again in the 2020s. This is accompanied by a surge in protest activity and political competition. The study analyzed media coverage of several dozen such conflicts over the past five to seven years and revealed their spatial features. It also showed a significant change in the motivation of their participants compared to previous periods of post-Soviet history. Although ideology remained the primary motivation of those who initiated the Soviet urban name change, its importance began to decline. Historical and cultural motivation, as well as marketing and other pragmatic factors began to significantly compete with it. Pragmatic motives clearly pushed ideology into the background in the arguments of the opponents of the renaming. Following 2022, both de-Sovietization supporters and opponents began to use arguments related to the Special military operation. The traditional cast of actors in toponymic conflicts began to blur and become more complex. The identified spatial patterns describe how the intensity of conflicts depends on factors such as center-periphery, spatial competitiveness, location transfer, the spatial diversification of motives, the locality of symbols, memoriality, and the function of the place. It has been shown that it is the effect of these overlapping patterns that complicates both the structure of motivations of the parties to conflicts of desovietization of urban toponymy in Russia and the geographical differences in their outcomes. The latter have become less dependent on regional combinations of the ideological orientations of the population and the political orientations of the ruling elite. This was facilitated by the increased importance of non-political motivations and the diversification of local combinations of the described spatial patterns.

Keywords: urban toponymy, desovietization, identity, conflicts, spatial patterns

REFERENCES

- Alderman D.H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: Spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King. *J. Soc. Cult. Geogr.*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 211–233.
- Aksenov K.E. Geographic Patterns of Desovietization of Toponymy in Russian Cities. *Reg. Res. Russ.* 2021, vol. 11, pp. 220–229.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521020015>
- Aksenov K.E. Spatial Factors of conflict potential in the use of urban symbolic geopolitical capital in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2024, vol. 14, pp. S139–S149.
<https://doi.org/10.1134/S2079970524600628>
- Aksenov K.E., Yaralyan S.A. Ideologization of space using urban toponymy in the CIS countries. *Reg. Issled.*, 2012, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.).
- Belyaev A.N. *Toponimy kak istochnik istoriko-lingvisticheskoi i kul'turologicheskoi informatsii* [Toponyms as a Source of Historical, Linguistic and Cultural Information]. Moscow, Berlin: Direct-Media Publ., 2018. 395 p.
- Chaikina Yu.I. From the history of toponymy and anthroponymy of Ustyuzhsky and Totemsky counties (based on the materials of business writing of the 17th–18th centuries). In *Voprosy onomastiki. Vyp. 15* [Questions of Onomastics. Vol. 15]. Matveev A.K., Ed. Sverdlovsk: Universitet Publ., 1982, pp. 48–56. (In Russ.).
- Dementieva I.N. Theoretical and methodological approaches to the study of social protest in foreign and domestic science. *Monitor. Obshch. Mnen.: Ekon. Sots. Izmen.*, 2013, no. 4, pp. 3–12. (In Russ.).
- Galaktionova N.A. Socio-cultural image of the region through the prism of toponymic policy (the case of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionol.*, 2016, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
- Galustov K.A. Spatial and temporal models of the influence of ecological and ecocultural protest on the use of urban space on the example of Leningrad–St. Petersburg. *Vestn. St. Peterb. Gos. Univ., Ser. 7: Geol., Geogr.*, 2016, no. 3, pp. 163–176. (In Russ.).
- José M.A.R. Bordering time in the cityscape. Toponymic changes as temporal boundary making: street renaming in Leningrad/St. Petersburg. *Geopolitics*, 2012, vol. 17, pp. 192–216.
- Kalutskov V.N. Conceptualization of geographical space: onomastic aspects. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 19: Lingv. Mezhkul't. Kommun.*, 2020, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.).
- Medvedev I.R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolution of Urban Conflicts]. Moscow: Infotropik Media Publ., 2017. 372 p.

- Medvedev I.R. Disputes about the names of urban objects in the context of the “right to the city”. *Zakon*, 2019, no. 4, pp. 144–156. (In Russ.).
- Podolskaya N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Superanskaya A.V., Ed. Moscow: Nauka Publ., 1988. 189 p.
- Polyushkevich O.A. Symbolic construction of territorial identity (on the example of Irkutsk toponymy). *Upravlench. Konsul't.*, 2017, no. 11, pp. 80–94. (In Russ.).
- Purcell M. Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJ.*, 2002, vol. 58, no. 2–3, pp. 102–103.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Collective memory and the politics of urban space: An introduction. *GeoJ.* 2008, vol. 73, no. 3, pp. 161–164.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Prog. Hum. Geogr.*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 453–470.
- Rubleva O.L. Toponymic system of Primorye: Aspects and prospects of research. *Izv. Vostochn. Inst.*, 2016, vol. 4, pp. 35–44. (In Russ.).
- Terentyev E.A. Renaming of Soviet toponyms in St. Petersburg: An analysis of public discussions. *Zh. Sotsiol. Sots. Antropol.*, 2015a, no. 2, pp. 72–86. (In Russ.).
- Terentyev E.A. Toponymic activism and the “right to the city”: Sociological notes. *Vestn. Tomsk. Gos. Univ. Filosof. Sotsiol. Politol.*, 2015b, no. 1, pp. 194–202. (In Russ.).
- Teslenok S.A., Ivlieva N.G., Uchevatkina N.V., Teslenok K.S. Creation of a specialized toponymic GIS for areas of de-Russification, desovetization and decommunization. *InterCarto. InterGIS*, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 13–26. (In Russ.).
- Titov V.V. *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: rossiiskii opyt i novye tendentsii* [The Politics of Memory and the Formation of National and State Identity: Russian Experience and New Trends]. Moscow: Vash Format Publ., 2017. 184 p.
- Tkhakakhov V.H. Identity and memory in the toponymic policy of Chechnya. *Nauch. Mysl' Kavkaza*, 2019, no. 2, pp. 40–49. (In Russ.).
- Turovsky R.F. Political landscape as a category of political analysis. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 12: Politol.*, 1995, no. 3, pp. 33–44. (In Russ.).
- Turovsky R.F. Conceptual electoral map of Post-soviet Russia. *Politia*, 2005, no. 4, pp. 161–202. (In Russ.).
- Tykanova E.V. The influence of urban political regimes on the course of contesting urban space (on the example of St. Petersburg and Paris). *Zh. Sotsiol. Sots. Antropol.*, 2013, no. 3, pp. 112–123. (In Russ.).
- Zabelin N.Y. Moscow city toponymy: Structural and semantic analysis of the toponymic system. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philol.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2007.